

КИРИЛЛ
СОЛОВЬЕВ

САМОДЕРЖАВИЕ И КОНСТИТУЦИЯ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ПОВСЕДНЕВНОСТЬ
В 1906–1917 ГОДАХ

ЧТО
ТАКОЕ
РОССИЯ

Что такое Россия

Кирилл Соловьев

Самодержавие и конституция

«НЛО»

2019

УДК 321.727(47+57)«1906/1917»
ББК 63.3(2)53-33

Соловьев К. А.

Самодержавие и конституция / К. А. Соловьев — «НЛО»,
2019 — (Что такое Россия)

23 апреля 1906 года России высочайшим решением была «дарована» конституция. Заработала Государственная дума, которую еще в 1809 году предлагал учредить реформатор Михаил Сперанский. Принято считать, что в связи с событиями первой русской революции самодержавие пошло на тактическую уступку обществу, что Россия получила лишь тень конституции, а Дума так и не стала настоящим парламентом. Так ли это? Все ли в окружении царя считали представительные учреждения чистой бутафорией? Почему наделенный огромной властью П. А. Столыпин регулярно выступал перед думскими депутатами и обсуждал с ними проекты реформ? Почему ни в одном из составов Думы не было большинства, выступавшего в поддержку правительства? Новая книга К. Соловьева показывает, как работала политическая система Российской империи между двумя революциями, каковы были отдельные достижения новых политических институтов, а также их многочисленные уязвимые места, которые во многом обусловили кризис империи и ее гибель в 1917 году.

УДК 321.727(47+57)«1906/1917»
ББК 63.3(2)53-33

Содержание

Первый день	5
Глава первая. Начало	9
Мечта о конституции	9
Манифест 17 октября 1905 года	11
Конституция по-русски	12
Партии готовятся к выборам	17
Выборы	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Кирилл Соловьев

Самодержавие и конституция

Политическая повседневность

в России в 1906–1917 годах

Первый день

«Государь прибыл во дворец вместе с императрицей со стороны Невы на паровом катере, так как в это время он уже переехал на жительство в Петергоф. Было настолько тепло, что дамы в придворных платьях вышли на открытый балкон Зимнего дворца, чтобы в ожидании приезда государя полюбоваться чудной картиной залитой солнцем Невы с массой разукрашенных флагами судов на фоне величественной Петропавловской крепости и зеленеющих уже деревьев Петровского парка». Это было 27 апреля 1906 года. В тот солнечный, очень теплый, почти летний день Зимний дворец ждал «лучших людей» – депутатов Первой Государственной думы. Директор Санкт-Петербургского телеграфного агентства А. А. Гирс занес в свой дневник: «Сегодня открытие Государственной Думы. На улицах флаги. Погода летняя. Для нас открывается новая страница в книге нашей истории».

Депутат Первой Думы И. И. Попов вспоминал: «На улицах их (депутатов. – К. С.) ждал народ. Стиснутой полицией и жандармами, он неудержимой лавой течет по пути следования депутатов и приветствует их восторженными криками. Тысячи рук тянутся к избранникам народа, шапки мелькают в воздухе... тысячи голосов слились в один клик: „Да здравствует Дума! Слава избранникам народа...“» За пролеткой народного избранника от Тверской губернии Родичева с криками «ура!» бежали люди, среди которых был студент историко-филологического факультета Московского университета поэт Андрей Белый.

Придворные дамы в ожидании Николая II

Церемониал открытия Думы долго обсуждался в ближайшем окружении императора. Николай II предлагал принять депутатов уже после начала работы, подобно тому как он принимал чиновников. Граф К. И. Пален, отвечавший за церемонии при Высочайшем дворе, ему возражал. Поскольку во всех конституционных государствах сессии парламента открывает монарх, он настаивал на том, чтобы так было и в России, предлагая императору принять у себя во дворце депутатов Думы и членов Государственного совета.

«Государь, бледный как полотно, отчетливым и звучным голосом начал речь, упреков особенно на слова „лучшие люди“. Все были растроганы: у императрицы, великих княгинь и дам – слезы на глазах, а у нас, не скрою, какое-то щекотанье в горле. Только у левых депутатов был какой-то вызывающе насмешливый вид...» – записал в дневнике 27 апреля 1906 года директор канцелярии Министерства иностранных дел А. А. Савинский. Ф. И. Родичев, депутат всех четырех Дум, вспоминал об этом так: «Я наблюдал [великого князя] Владимира Александровича. Он страшно волновался. Правой рукой рвал перчатку на левой и кончил тем, что разорвал ее. Из глаз текли слезы. Одна крупная слеза скатилась по носу и повисла на кончике носа. Владимир Александрович пальцами смахнул ее, стараясь сделать это незаметно: он не хотел признавать своих слез и вынуть платок. Молодежь, стоявшая сзади, была в игривом настроении. Они шушукались между собой, пальцем указывая на иных депутатов, на Петрункевича. Нельзя сказать, чтобы эти молодые люди были хорошо воспитаны. Кто-то: Золота-то на этом пузе сколько – целую деревню можно бы зиму прокормить».

Правительственные чиновники, пристально вглядывавшиеся в лица депутатов, приходили в отчаяние: «На фоне блеска и торжественности толпа „депутатов“, кто в пиджаках и косоворотках, кто в поддевках, нестриженные и даже немытые, немногие в сюртуках, один-два в фраках, являлась резким и вызывающим контрастом. В первом ряду выделялся В. Д. Набоков, стоявший с надутым видом, засунув руки в карманы, рядом с ним отталкивающий Петрункевич, кривая рожа Родичева. Косые, хмурые взгляды ответили на речь государя, полную доверия к призванным от России людям», – вспоминал бывший тогда товарищем министра внутренних дел С. Е. Крыжановский. Министр императорского двора барон В. Б. Фредерикс, возвращаясь домой с первого заседания Думы, заметил своему начальнику канцелярии А. А. Мосолову: «Эти депутаты скорее похожи на стаю преступников, ожидающих сигнала, чтобы зарезать всех сидящих на правительственной скамье. Какие скверные физиономии! Ноги моей больше не будет в Думе».

Впрочем, у противоположной стороны настроение было схожее. По словам кадета князя В. А. Оболенского, «это были два враждебных стана, расположившиеся друг против друга: пестрая с золотом толпа царских сановников и серо-черная с цветными крапинами толпа депутатов. Старые, седые сановники, хранители этикета и традиций, надменно, хотя не без страха и смущения, разглядывали „улицу“, приведенную во дворец революцией, и тихо между собой перешептывались. Не с меньшим презрением и ненавистью смотрела и серо-черная толпа на золотые мундиры».

Депутат от Тверской губернии В. Д. Кузьмин-Караваев так писал о своих впечатлениях: «Сегодня пала стена между Россией и Западом... Какое будет завтра? Быть бесцветным оно не может. Но завтра – или конец революции или ее начало». Известный юрист А. Ф. Кони 27 апреля тоже находился в Зимнем дворце и слушал тронную речь императора. Они с С. А. Муромцевым, которому несколько часов спустя было суждено стать председателем Думы, говорили о необычайной важности этого исторического дня, о том, сколько пришлось выстрадать в его ожидании. Кони отмечал, что глаза у Муромцева тоже были «на мокром месте».

На набережную Невы для депутатов подали маленькие финские пароходики, которые и отвезли «лучших людей» к Таврическому дворцу. Из собравшейся толпы им кричали «ура»

и махали шляпами, даже из окон знаменитых «Крестов» их приветствовали белые платки: так выражали свое одобрение происходящему содержащиеся там заключенные.

В ожидании депутатов зеваки облепили решетку Таврического дворца, улица была запружена народом. Когда из кареты появился Родичев, в воздух полетели шапки, послышались аплодисменты. Чуть погодя толпа так же радостно приветствовала И. И. Петрункевича: имена этих лидеров Конституционно-демократической партии были широко известны всей России.

Когда через несколько часов завершилось первое заседание, депутаты обнаружили, что толпа так и не разошлась. «Кто-то подхватил Родичева на руки, и его длинная фигура заколыхалась над толпой. Петербургского депутата, профессора Кареева, тоже пронесли мимо... Он беспомощно трепался на чьих-то плечах, махая широкополой шляпой, а седая грива его волос развевалась по ветру». В. А. Оболенский с трудом пробирався в это время через толпу к кадетскому клубу, что на углу Сергиевской и Потемкинской улиц. А там, с балкона, уже ораторствовал перед восторженной публикой Родичев.

Тем временем в будуаре Александры Федоровны императрица-мать Мария Федоровна застала своего сына в удрученном состоянии. Сидя в кресле, он не мог сдерживать слез, а стоявшая возле кресла на коленях Александра, «глядя голову государя, повторяла: я все это предвидела... предвидела... я говорила... Вдруг он сильно ударил кулаком по локотнику кресла и крикнул: я ее создал и я ее уничтожу. Верьте мне», – свидетельствовала мать.

С тем, что у них на глазах рождалась новая Россия, соглашались все: и депутаты, и их оппоненты. Член Государственного совета Н. С. Таганцев так вспоминал этот день: «Думалось, что повернулась страница бытописания родины, что увенчались алмазным венцом мечты и чаяния представителей минувших поколений, принесших кровавые гекатомбы – жизни, здоровья, свободы за дорогое счастье родной земли. Все было окрашено розовыми цветами надежды; все было согрето теплыми животворными лучами веры...»

Оставалось лишь объяснить самим себе, что представлял собой новый государственный порядок. Отвечать на этот вопрос пришлось прежде всего правоведам, которые опирались на Основные государственные законы, Учреждения Думы и Государственного совета, а также избирательное законодательство. Но хотя источники у них были одни, интерпретировали их везде по-разному.

Глава первая. Начало

Мечта о конституции

Словосочетание «Государственная дума» впервые встречается в записке М. М. Сперанского от 1809 года. Это так и не созданное в начале XX века учреждение должно было стать высшим законодательным представительным органом империи. Готовя политическую реформу, Сперанский сформулировал положение, которое, с некоторыми поправками, вошло в Основные государственные законы от 23 апреля 1906 года: «Никакой новый закон не может быть издан без уважения Думы. Установление новых податей, налогов и повинностей уважаются в Думе... Закон, признанный большинством голосов неудобным, оставляется без действия». В какой-то момент его проект был близок к осуществлению: в 1810 году Александр I реформировал Государственный совет, как это предлагал Сперанский, однако до созыва Государственной думы дело все же так и не дошло, и о конституции оставалось лишь мечтать.

Все последующее столетие о конституции в обществе говорили, избегая даже упоминания самого этого слова. Нужно «увенчать здание», «достроить купол», «да здравствует Костина жена» — так проявлялись призывы к установлению конституционного порядка, понятные как его сторонникам, так и противникам. Еще 17 января 1895 года Николай II, твердо обещавший проводить политику своего отца, охладил горячие головы, сказав представителям земств и городов: «Оставьте ваши бессмысленные мечтания». И хотя о конституции никто из них не упомянул, все прекрасно поняли, о чем идет речь. В конце XIX столетия идею о необходимости полномасштабной государственной реформы в России разделяли сторонники самых разных взглядов. Ее желали и либералы, и консерваторы, этой точки зрения придерживались многие видные государственные деятели. Конституционные проекты (при всей условности этого понятия) разрабатывали Н. Н. Новосильцев, П. А. Валуев, М. Т. Лорис-Меликов и др. Сторонником политической реформы был даже министр внутренних дел В. К. Плеве, как будто бы далекий от «конституционных мечтаний», убитый в 1904 году эсером Е. Созоновым в Петербурге.

Слово неминуемо обращалось в дело. Россия даровала конституцию Финляндии и Царству Польскому, российские чиновники готовили основной закон Валахии, Молдавского княжества и Болгарии. Благодаря России (точнее, лично Александру I) в 1814 году конституционная хартия была дарована Франции. Возникал естественный вопрос: почему в России все еще не было конституции, в то время как Болгария ее уже получила из рук российского государя. И хотя не все представители общественности склонялись к мысли о необходимости установления именно конституционного порядка, противники политической реформы не находили поддержки даже среди консерваторов.

Ожидания реформы государственного строя набрали силу к концу 1904 года, когда общественность многих городов Российской империи, отмечая 40-летие судебной реформы, собралась за праздничным столом, поднимая тост за будущую конституцию. В ноябре того же года в Петербурге состоялся земский съезд, на котором деятели местного самоуправления также высказались за введение конституции в России. Определенные надежды общественности были связаны с именем министра внутренних дел князя П. Д. Святополк-Мирского, сменившего Плеве и готовившего проект реформирования Государственного совета. В него предлагалось включить выборных представителей земств и городов. Однако и этот проект остался на бумаге. Тем не менее общественное возбуждение не спадало. Россия уверенно шла к революции, начало которой традиционно датируется «Кровавым воскресеньем» 9 января 1905 года.

В Петербурге судорожно искали выход из сложившегося положения. 18 февраля 1905 года император поручил новому министру внутренних дел А. Г. Булыгину составить про-

ект представительного учреждения в России: в сущности, Николай II согласился на то, что немногим ранее советовал ему предпринять Святополк-Мирский. Для подготовки соответствующего решения начала работать специальная правительственная комиссия.

Тем временем российское общество самоорганизовывалось. По всей стране возникали профессиональные объединения – союзы врачей, адвокатов, инженеров, учителей, фармацевтов, конторщиков и т. д., которые в мае 1905 года объединились в «Союз союзов». Нарастало стихийное, но при этом масштабное крестьянское и рабочее движение. Происходили волнения в армии и на флоте. Правительство стремительно утрачивало контроль над положением в стране, и ему приходилось идти на существенные уступки. 6 августа 1905 года был обнародован Манифест о создании Государственной думы с законосовещательными функциями. В публицистике, а затем и в научной литературе эту так и не созванную Думу стали называть «булыгинской» – в честь министра внутренних дел А. Г. Булыгина. Однако такая мера уже мало кого устраивала. В обществе все громче раздавались требования созыва законодательной Думы и введения конституции.

Манифест 17 октября 1905 года

Осенью 1905 года забастовочное движение охватило всю Россию, в нем участвовало 120 городов. 10 октября остановилось движение идущих из Москвы поездов, через два дня забастовал Центральный телеграф. В тот же день было прекращено и движение поездов, отправлявшихся из Петербурга. К 17 октября 1905 года во Всероссийской октябрьской политической стачке участвовали уже 2 млн человек. Во многих городах было отключено освещение, не выходили газеты, не работали водопровод и телефон. Собирались деньги на создание вооруженных дружин. В столице был образован Петербургский совет рабочих депутатов.

Нужно было принимать срочные меры. Николай II обратился за советом к недавно вернувшемуся из США после подписания Портсмутского мира с Японией С. Ю. Витте, который так определил развилку, перед которой стояло правительство: или диктатура, или конституция. К диктатуре власть была не готова, поскольку не имела очевидного кандидата на пост диктатора. При этом даже один из претендентов на эту роль дядя царя великий князь Николай Николаевич требовал незамедлительного введения конституции.

15 октября совещание у Николая II продолжалось до глубокой ночи и было необычайно бурным. На нем присутствовали С. Ю. Витте, О. Б. Рихтер, В. Б. Фредерикс, великий князь Николай Николаевич. Ожидавший высочайшего приема военный министр А. Ф. Редигер был поражен царившим за дверью возбуждением. Когда в час ночи царь все же принял его, он «был взволнован: лицо покраснелось, и голос был неровен». По словам В. Б. Фредерикса, великий князь Николай Николаевич, отправляясь к царю, заявлял: «Надо спасти государя! Если он сегодня не подпишет манифеста, то я застрелюсь у него в кабинете! Если я сам этого не сделаю, то ты обещаешь застрелить меня!» Правда, эти угрозы были явно излишни, так как, по сведениям начальника Главного управления Генерального штаба Ф. Ф. Палицына, император принял решение подписать манифест еще до прихода своего дяди.

19 октября, подводя итог столь знаменательным дням, Николай II писал матери: «Тошно стало читать агентские телеграммы, только и были сведения о забастовках в учебных заведениях, аптеках и пр., об убийствах городских, казаков и солдат, о разных беспорядках, волнениях и возмущениях. А господа министры, как мокрые курицы, собирались и рассуждали о том, как сделать объединение всех министерств, вместо того, чтобы действовать решительно». По мнению царя, насильственных мер бояться не следовало и одна угроза их применения способствовала бы наведению порядка в столице. Однако и император признавал, что столь востребованная решительность не отменяла потребности в преобразованиях. Именно поэтому был подписан Манифест 17 октября 1905 года, провозглашавший политические свободы и, главное, скорый созыв законодательной Государственной думы. «Мы обсуждали его два дня и, наконец, помолившись, я его подписал. Милая моя мама, сколько я перемучился до этого, ты себе представить не можешь! Я не мог телеграммой объяснить тебе все обстоятельства, приведшие меня к этому страшному решению, которое, тем не менее, я принял совершенно сознательно... Единственное утешение это – надежда, что такова воля Божья, что это тяжелое решение выведет дорогую Россию из того невыносимого хаотического состояния, в каком она находится почти год». В этом письме император прямо и недвусмысленно заявлял, что подписанный им документ «это, в сущности, и есть конституция».

Конституция по-русски

В соответствии с подписанным царем Манифестом Государственная дума становилась законодательным органом власти, а его подданным гарантировались основные свободы (совести, слова, собраний, союзов, неприкосновенности личности). Совет Министров, до того времени практически не функционировавший, с 19 октября стал выполнять функции объединенного правительства, и его председателем был назначен С. Ю. Витте.

Тем не менее Манифест 17 октября 1905 года – это декларация о намерениях, и его нельзя назвать конституцией, как это делают некоторые исследователи. Зато на это определение могут претендовать Основные государственные законы от 23 апреля 1906 года, так как именно они закрепляют распределение полномочий между императором, Советом министров, Государственным советом и Государственной думой.

Именно тогда, к концу апреля 1906 года, власти также пришлось определиться, каким образом будут осуществлять свои полномочия народные представители. Это произошло незадолго до открытия Думы. В ходе работы над документом царские чиновники старались свести эти полномочия к минимуму. Тем не менее царь уже не мог взять назад данное 17 октября 1905 года слово: Государственная дума была законодательным учреждением и без ее одобрения законопроект не мог стать законом. Это не касалось только вопросов, связанных с обороноспособностью страны, внешнеполитическим курсом, Положением об императорской фамилии. Этими вопросами занимались царь и его министры, депутаты в эти сферы вмешиваться не могли.

Порядок принятия законов был следующим. Подготовленный правительством или депутатами законопроект шел на одобрение Думы, затем – на утверждение Государственным советом (половина членов которого теперь назначалась императором, а половина избиралась)¹. Далее требовалась подпись царя, за которым оставалось последнее слово. Император мог отклонить законопроект (то есть обладал правом абсолютного вето).

Дума созывалась на 5 лет и могла быть распущена императором по его усмотрению. Правительство непосредственно от депутатов не зависело, министры назначались императором и отвечали только перед ним.

Полномочия депутатов были весьма ограниченными. И все же создание Государственной думы стало огромным шагом на пути установления в России конституционной монархии.

Как уже отмечалось, на первых порах факт учреждения в России конституционных порядков признавал сам царь: в уже цитированном письме матери и в откровенном письме столичному генерал-губернатору Д. Ф. Трепову. Накануне принятия Манифеста Николай II писал: «Я сознаю всю торжественность и значение переживаемой Россией минуты и молю милосердного Господа благословить Промыслом Своим нас всех и совершаемое рукой моей великое дело. Да, России даруется конституция. Немного нас было, которые боролись против нее. Но поддержка в этой борьбе ни откуда не пришла. Всякий день от нас отворачивалось все большее количество людей, и в конце концов случилось неизбежное. Тем не менее, по совести, я предпочитаю даровать все сразу, нежели быть вынужденным в ближайшем будущем уступать по мелочам и все-таки прийти к тому же». Император был не одинок в подобной оценке. Уже после того, как Манифест 17 октября был опубликован, самарский губернский предводитель дворянства А. Н. Наумов спрашивал недавно назначенного премьер-министра С. Ю. Витте, можно ли говорить в сложившихся обстоятельствах о сохранении в России самодержавия. Глава правительства определенно отвечал, что нет.

¹ Теоретически могла быть и обратная ситуация: вначале законопроект мог рассматриваться в Государственном совете, затем в Думе. На практике такое случалось чрезвычайно редко.

Страх, который охватил ближайшее окружение императора осенью 1905 года, постепенно прошел, изменилось и отношение к Манифесту. 16 февраля 1906 года на царскосельских совещаниях С. Ю. Витте доказывал, что в России конституции нет и государь вправе взять обратно все дарованные им права. Даже весьма консервативные чиновники, участвовавшие в совещаниях, не поддерживали премьера. «Не подлежит... никакому сомнению, что Россия будет управляться по конституционному образцу», – утверждал К. И. Пален. С ним соглашались и другие. Но именно Витте был ближе всех к пониманию позиции императора. В конце февраля 1906 года, принимая одну из делегаций, царь уверенно заявлял: «Я не потерплю никакого умаления самодержавия».

9 апреля 1906 года Николай II поделился с участниками царскосельских совещаний своими сомнениями относительно привычного определения самодержавной власти как неограниченной: «Имею ли я перед моими предками право изменить пределы власти, которую я от них получил?» Но в самый последний момент работы совещаний император, во многом под давлением высших сановников империи, согласился исключить слово «неограниченный» из Основных законов. И все же, при наличии конституционных учреждений, он оставался самодержцем.

Статья 86 Основных государственных законов определенно заявляла о законодательных полномочиях Думы: «Никакой новый закон не может последовать без одобрения Государственного совета и Государственной думы и воспринять силу без утверждения государя императора». И все же все точки над «i» так и не были расставлены. Правовая система России напоминала слоеный пирог, в котором уживались нормы и институты разных эпох. Новое чаще всего не упраздняло старое, а лишь добавлялось к нему, так что описанная конструкция власти думского периода не дает верного представления о ее характере. Здесь особенно важны детали, где, как обычно, и скрывается дьявол.

Многие особые prerogatives императора восходили к прежним, дореформенным временам. Так, он имел исключительное право создавать и упразднять министерства и прочие высшие административные учреждения, распределять между ними обязанности. Только император определял порядок пожалования титулов и орденов. Исключительно от его имени заключались международные договоры, объявлялись война или мир. В его руках была и обороноспособность страны. Своей волей он вводил в том или ином регионе империи чрезвычайное положение. В некоторых случаях государь имел право делать исключения в законе: например, даровал милости отдельным лицам. С. Ю. Витте так писал по этому поводу: «Доколе отдельные отрасли законодательства нашего не будут переработаны, допущение изъятий из закона необходимо... Передача же этих дел на разрешение законодательных учреждений практически едва ли осуществима, ибо это по преимуществу мелкие и требующие спешного разрешения дела, для которых сложный законодательный порядок слишком громоздок и вообще неподходящ, так как Государственная дума и Государственный совет от более важных и плодотворных общих занятий отвлекались бы разбором сравнительно неважных, частных случаев».

Как уже говорилось, император обладал правом абсолютного вето. Его слово было решающим при принятии любого законопроекта. Однако в этом не было российской специфики. В начале XX века такое право было предоставлено большинству монархов, которые, правда, пользовались им чрезвычайно редко. Так, английский монарх последний раз ветоировал законопроект в 1707 году. Пруссия вовсе не знала таких случаев. В России царь воспользовался своим правом только два раза².

Традиционно большое внимание правоведов привлекала статья 87 Основных законов. В соответствии с этой нормой император подписывал указы, имевшие силу закона, в переры-

² В апреле 1909 года император не утвердил проект штатов Морского генерального штаба, а 26 мая 1911 года отказался подписывать законопроект об изменении постановлений о правоограничении лиц, сложивших с себя духовный сан или лишенных его.

вах между сессиями Думы. Правда, такое решение следовало внести в Думу не позднее, чем через два месяца с момента возобновления ее работы – иначе указ утрачивал силу. Современные исследователи порой утверждают, что именно статья 87 свидетельствовала о незыблемости самодержавия и иллюзорности полномочий Государственной думы. В действительности даже те правоведы начала XX века, которые критически относились к этой норме, полагали, что ее наличие в целом обосновано. Порой жизнь обязывает исполнительную власть принимать оперативные решения, пренебрегая официально прописанной (и обычно очень долгой) процедурой. В большинстве европейских стран конституции позволяли правительству прибегать к чрезвычайно-указному праву. Более того, оно применялось даже там, где было официально запрещено: например, в Сардинском королевстве: только в 1848–1849 годах там было принято 66 постановлений чрезвычайно-указного характера. Для сравнения: в России за годы работы Третьей Думы (1907–1912) правительство прибегло к этой мере шесть раз. Кроме того, сам факт наличия этой нормы подчеркивал конституционный характер «обновленного строя»: она фактически определяла рамки правительственного волюнтаризма.

Проблема была не в 87-й статье, а в сохранении старых, чиновничьих путей законотворчества (через Военный совет, Адмиралтейств-совет, Комитет финансов и др.), в туманном определении функций Совета министров, в не соответствовавших времени бюджетных правилах, подходивших для назначаемого Государственного совета, а не для избираемой Думы, и т. д. Все это свидетельствовало об архаике российской правовой системы, которая менялась лишь частично.

Вопреки сомнениям современных исследователей, большинство правоведов начала XX века не сомневались в том, что в России в 1906 году установилась конституционная монархия; она не походила на английскую, но вполне соответствовала немецким образцам. Об этом писали В. М. Гессен, Б. А. Кистяковский, С. А. Котляревский, Н. И. Лазаревский и многие другие. Да, конституция была «куцей», полномочия Думы – весьма ограниченными. Тем не менее император в большинстве случаев отныне не мог законодательствовать самостоятельно. Впрочем, встречалась и иная точка зрения. Так, А. С. Алексеев полагал, что и после 1906 года не было подлинной конституции, однако можно было говорить о конституционных началах, провозглашенных Манифестом 17 октября. Причем это был не подарок царя, а явленная всем воля общества, отстаивавшего свои права.

Принципиально иную позицию отстаивали юристы правомонархических взглядов (например, П. Е. Казанский). Не будучи специалистами в области государственного права, они предпочитали анализу Основных государственных законов метафизические конструкции. Им представлялось, что царь не мог умалить собственную власть, даже если сам того желал. Кроме того, император даровал конституцию, а значит, он мог забрать дарованное назад: он оставался неограниченным самодержавным правителем, и факт созыва Думы мало что менял.

С тех пор прошло более ста лет. За это время было издано по меньшей мере шесть тысяч публикаций, посвященных Государственной думе. Многим авторам хотелось поставить точку в бесконечном споре о конституционной монархии. Советские историки в большинстве своем придерживались точки зрения правых монархистов и отрицали наличие конституционной монархии в России. С формально-юридической точки зрения эта позиция не выдерживает критики. Монархия может быть абсолютной либо конституционной. Конечно, абсолютные монархии бывают разными, равно как и конституционные отличаются друг от друга. Однако это соображение нисколько не колеблет основательность той простой классификации, которая сложилась в юридической науке и базируется на одном критерии: если полномочия монарха хоть в чем-то ограничены представительным учреждением, эта монархия конституционная, а не абсолютная. Основные законы не оставляли никаких сомнений на этот счет. Причем на практике сфера прерогатив представительных учреждений скорее расширялась, чем сужалась (о чем речь пойдет ниже).

Проблема конституционного характера политического режима в 1906–1917 годах не может считаться научной в полном смысле этого слова. Вместе с тем долгие годы она заслоняла собой важные вопросы функционирования представительных учреждений и, шире, всей политической системы России в преддверии революции 1917 года. Конституция у нас в крови – шутят англичане, у которых, как известно, конституция отсутствует. И они правы. Конституционный порядок – не совокупность документов, но определенные устои, привычные для политических игроков. Как говорили еще в начале XX века, писанные акты – это скелет, который должен обрасти «мясом», чтобы правовой организм смог полноценно существовать.

МЕСТО ДЕЙСТВИЯ

Таврический дворец был построен в конце XVIII века по проекту известного архитектора И. Е. Старова. Первым его хозяином был могущественный фаворит Екатерины II светлейший князь Г. А. Потемкин-Таврический. Здесь в 1791 году он устроил пышные торжества, посвященные своей благотельнице. В том же году Потемкин и скончался, а дворец забрали в казну. В последние годы жизни императрица любила проводить здесь время. С воцарением Павла I дворец попал «в немилость». Тут устроили казармы Конногвардейского полка; по роскошным паркетам Таврического скакали brave кавалеристы. Много изменилось в России после убийства Павла в марте 1801 года, по-новому зажил и дворец, который вновь стал императорской резиденцией. Понадобилось немало усилий, чтобы восстановить во многом утраченные интерьеры. Теперь здесь жили представители императорской фамилии, почетные гости царя. В 1826 году во дворце скончался проживавший здесь придворный историк Н. М. Карамзин. И все же у здания не было определенного хозяина. И только в 1906 году дворец его обрел в лице Государственной думы.

Таврический дворец пришлось перестроить, дабы он соответствовал новым задачам. Для пленарных заседаний Думы был преобразован зимний сад. Это помещение не вполне подходило для работы парламента. Основная проблема – плохая акустика. Многих депутатов, не обладавших достаточно звонким голосом, не было слышно. «С акустикой этой много возились, ставили перегородки, снимали их, вешали занавески и тоже снимали. Была образована даже научная комиссия для нахождения способов улучшения акустики... но это ни к чему не привело, и акустика оставалась такая же невозможная», – вспоминал депутат С. И. Шидловский. В Думе не раз говорили о необходимости построить новое здание для представительного учреждения. Однако и первые, и последние свои заседания депутаты Думы провели в Таврическом дворце.

Обосновавшись в Таврическом дворце, Дума преобразила всю округу. К началу XX века Литейная часть была мало заселена. Отныне цены на жилье в этом районе Петербурга неуклонно росли. Здесь снимали или покупали квартиры депутаты, политические лидеры, популярные журналисты. На Шпалерной улице, в считанных шагах от Таврического дворца, поселился один из лидеров правых, скандально известный В. М. Пуришкевич. Его соседом по лестничной площадке стал публицист и литератор В. В. Розанов. На Фурштатской улице снял десятикомнатную квартиру председатель Думы М. В. Родзянко. В 1912 году он присоединил к своим апартаментам соседнюю четырехкомнатную квартиру. Согласно данным современного исследователя О. А. Патрикеевой, годовая плата за две квартиры составляла 3600 рублей, то есть большую часть годового жалованья депутата. На углу Потемкинской

и Сергиевской улиц, напротив входа в Таврический сад, в 1906 году располагался кадетский клуб. Здесь же снимал квартиру наиболее видный оратор от той же партии В. А. Маклаков. «В квартире имелся громадный зал на сто человек с балконом, большая комната для библиотеки, две столовых, комната для Центрального Комитета, для канцелярии. Словом, квартира поместительная и роскошная». В этом же доме в 1912–1916 годах проживали Зинаида Гиппиус и Дмитрий Мережковский. После 1913 года на Бассейной улице (ныне улица Некрасова) поселился лидер кадетов П. Н. Милюков. Прежде он жил в Эртелевом переулке (ныне улица Чехова) по соседству с председателем Совета министров И. Л. Горемыкиным. Новый дом на Бассейной обладал всеми современными удобствами: отоплением и горячей водой; на первом этаже размещались прачечная, гладильня, химчистка, парикмахерская, аптека, булочная, пекарня, мясная, молочная лавка и, наконец, кинематограф.

В 1913 году в Литейной части появился электрический трамвай, а в 1914-м – Мальцевский рынок, где держатели думского буфета могли покупать продукты.

Партии готовятся к выборам

По словам французского политолога М. Дюверже, партии только и существуют, чтобы побеждать на выборах. Если принять эту точку зрения, то в большинстве своем российские партии партиями не были: их лидеры о выборах не заботились. Первые партии возникли на окраинах империи: в Польше, Закавказье, Финляндии... За ними последовали социалисты, готовившиеся к революции, а не к избирательным кампаниям: Партия социалистов-революционеров (эсеров), годами складывавшаяся в единую организацию³, и Российская социал-демократическая рабочая партия (РСДРП), которая прошла не меньший путь, чтобы на своем Втором съезде (1903) в полный голос заявить о себе и тут же размежеваться на фракции большевиков и меньшевиков.

Партия – живой организм, требующий особой почвы, необходимых условий для развития. Она не может возникнуть вдруг, по мановению волшебной палочки. Российские партии прошли долгий путь от салонов и кружков к большим общенациональным объединениям. Интенсивная общественная жизнь конца XIX – начала XX века способствовала складыванию протопартийных организаций: кружка «Беседа», «Союза освобождения», Союза земцев-конституционалистов, Русского собрания, Аграрно-социалистической лиги... В этих объединениях возник политический язык, были выработаны партийные программы, достигнуты важнейшие договоренности, а главное, именно там общественные деятели решили заняться политикой. Благодаря этой питательной среде политические партии появились именно в тот момент, когда были особенно нужны, то есть в преддверии выборов в Думу.

После появления Манифеста 17 октября следовало ожидать скорой избирательной кампании. По этой причине вполне понятно, почему создание значимых общероссийских политических партий пришлось на октябрь – ноябрь 1905 года. В октябре оформилась Конституционно-демократическая партия (кадеты); в начале 1906 года она взяла себе второе имя – Партия народной свободы. В этом объединении был представлен цвет российской интеллигенции: историки П. Н. Милюков, А. А. Корнилов, А. А. Кизеветтер, Н. П. Павлов-Сильванский, юристы С. А. Муромцев, П. И. Новгородцев, Ф. Ф. Кокошкин, Л. И. Петражицкий, Г. Ф. Шершеневич, В. Д. Набоков, филолог А. А. Шахматов, экономисты П. Б. Струве, М. Я. Герценштейн, А. А. Мануйлов, адвокат В. А. Маклаков, естествоиспытатель В. И. Вернадский, земские деятели И. И. Петрункевич, Ф. И. Родичев, князя Павел и Петр Долгоруковы, князь Д. И. Шаховской и др. Это было популярное в обществе, довольно многочисленное политическое объединение. К апрелю 1906 года в партии состояло более 70 тысяч человек. Кадеты ориентировались в первую очередь на городского избирателя; в губернских центрах и обеих столицах они безусловно лидировали.

Краеугольный камень программы кадетов – упрочение ценности человеческой личности в России. Для этого следовало прежде всего гарантировать основные гражданские права (свободу совести, слова, печати, собраний и др.). Кадеты предлагали наделить равными правами всех подданных Российской империи вне зависимости от их национальной, религиозной и сословной принадлежности. Однако это нельзя было сделать, не изменив государственный строй. Партия выступала за установление в стране конституционных порядков английского образца, когда монарх царствует, но не управляет. По мнению кадетов, парламент должен был формировать правительство и, соответственно, определять политический курс в стране. Конституционно-демократическая партия настаивала на коренных социальных реформах, в частности на национализации большей части помещичьих земель и распределении их среди

³ Она сформировалась на рубеже 1901–1902 годов и окончательно конституировалась на своем Первом съезде (1905–1906).

крестьян на правах пользования. В программе кадетов предлагалось и решение проблем, волновавших рабочих: речь в ней шла о праве на собрания и стачки, о введении 8-часового рабочего дня. Программа кадетов – результат эволюции европейского либерализма за XIX столетие, благодаря которой он учился говорить с массовым избирателем. «Новый» либерализм сильно отличался от классического либерализма начала XIX века: он ставил вопрос не только о праве человека на жизнь, но и о его праве на достойную жизнь; не только о праве на собственность, но и об обязательствах, связанных с этим правом.

Кадеты не боялись революции. Просто они ее понимали иначе, чем социалисты, которые делали ставку на организованное давление на действующую власть, вооруженное сопротивление режиму. Кадеты же полагали, что подлинная революция происходит в головах людей, которые начинают по-новому мыслить, оценивать правительство. Если власть перестает быть авторитетной в их глазах, она утрачивает способность повелевать. В этом случае бесполезными оказываются многочисленные пушки и ногайки. Пожар недовольства становится повсеместным, и его не затушить. Правительству приходится отступать под давлением всеобщего недовольства. Такую революцию нельзя организовать. Это стихия истории, которую надо верно понимать и предугадывать. Кадеты полагали, что они умеют это делать и их программные требования – непереносимое будущее России завтрашнего дня. Это придавало им оптимизм, веру в собственную победу, которая наступит рано или поздно.

Примерно тогда же был создан «Союз 17 октября» (партия октябристов), тоже либеральное объединение, более умеренное по своим взглядам. Его лидеры – крупные промышленники (А. И. Гучков, Э. Л. Нобель, П. П. Рябушинский) и видные земские деятели (граф П. А. Гейден, М. В. Родзянко, М. А. Стахович, Н. А. Хомяков, Д. Н. Шипов). Именно земцы определяли политическое лицо октябризма. Характерно, что в период выборов в Третью и Четвертую Думу «Союз 17 октября» мог рассчитывать на голоса в первую очередь тех губерний, где работали земские учреждения. Среди октябристов были и историк В. И. Герье, и ювелир К. Г. Фаберже, и архитектор Л. Н. Бенуа, и адвокат Ф. Н. Плевако. Безусловным лидером партии был А. И. Гучков. В 1906 году у октябристов было 200 местных отделений, в которые входило 75–77 тысяч человек.

Правда, «Союз 17 октября» был именно союзом, а не партией. Он не претендовал на монолитность, объединив сторонников разных взглядов. Многих октябристов можно было отнести к консерваторам, но лицо объединения определяло его левое либеральное крыло. Октябристы были сторонниками конституционной монархии, не английского (как кадеты), но немецкого образца, согласно которому сам монарх формировал правительство. Они ратовали за гражданское равенство, за социальные реформы, но при этом, в отличие от кадетов, были в большинстве своем против национализации помещичьей земли (которая предусматривалась лишь в исключительных случаях). По их мнению, экономические проблемы крестьян следовало решать прежде всего за счет повышения эффективности их труда.

И кадеты, и октябристы выступали за сохранение России как унитарного государства. Кадеты считали необходимым предоставить статус автономии Польше и Финляндии. Октябристы – только Финляндии. При этом кадеты ставили вопрос о необходимости национально-культурных автономий, которые позволили бы различным народностям России учиться на родном языке, печатать на нем газеты, исповедовать близкие им религиозные культы, придерживаться ценностей, характерных для их культур.

В отличие от кадетов октябристы рассчитывали на диалог с правительством. Они полагали, что 17 октября 1905 года между царем и общественностью был заключен своего рода контракт. Это подразумевало обязательства с обеих сторон. Правительство должно было принимать в расчет мнение общественных деятелей. Тем, в свою очередь, следовало держаться исторических принципов монархического государства, характерных для России. Впоследствии, в период работы Третьей Думы, ставка на конструктивный диалог с властью отчасти

оправдалась. Депутатам от «Союза 17 октября» многое удалось сделать во взаимодействии со столыпинским правительством. Однако это сотрудничество не было безоблачным. Вера в наличие негласных договоренностей с «исторической властью» подвергалась немалым испытаниям и в итоге их не выдержала. Лидеры октябристов разочаровались в своих прежних установках, разуверившись в возможности влиять на правительственный курс. Это стало началом крушения «Союза 17 октября». Пока же, на заре думской России, его руководство полно надежд и оптимизма.

В 1905 году начали формироваться правые монархические организации. Они с гордостью именовали себя черносотенными, памятуя нижегородские черные сотни Кузьмы Минина эпохи Смутного времени. Самой крупной и влиятельной черносотенной организацией был Союз русского народа. Его лидерами были А. И. Дубровин, Н. Е. Марков, В. М. Пуришкевич и др. Впоследствии Союз русского народа распался. Из него выделился Русский народный союз имени Михаила Архангела (1908), в котором безраздельно господствовал бессарабский депутат Пуришкевич. В 1910 году – новый раскол: «марковцы», привычные к работе в Государственной думе, отделились от «дубровинцев», не признававших никаких конституционных учреждений. В этом была своя закономерность. Правомонархические организации объединяли очень непохожих друг на друга людей: малоземельных крестьян и помещиков-латифундистов; многие программные вопросы по-разному ими понимались, но все же многое их объединяло. Правые категорически выступали против конституции, формальных ограничений власти царя, который, по их мнению, и после подписания Манифеста 17 октября 1905 года оставался подлинным самодержцем. Правые полагали, что именно император, стоявший выше всех сословий и наций, обеспечивал социальный мир империи, был добрым «отцом» для всех подданных. Члены Союза русского народа отмечали особую роль в России русского народа, который, по мнению правомонархистов, должен обладать преимуществом в политике и экономике. При этом многих правых отличал крайний антисемитизм.

Правомонархические организации были весьма многочисленными. Сами они утверждали, что членами их состоят несколько миллионов человек, что было сильным преувеличением. Тем не менее можно с уверенностью говорить, что в лучшие годы они насчитывали более 400 тысяч – явно больше, чем все остальные политические объединения. Позиции правых были наиболее сильны на территории современных Украины и Белоруссии. Там они себя чувствовали хозяевами в ходе избирательных кампаний в Третью и Четвертую Думу.

Этот перечень политических партий далеко не полон без либерального центра: партии демократических реформ (январь 1906), партии мирного обновления (июль 1906) и прогрессистов (Прогрессивная партия; 1912). Они были малочисленны, но их лидеры пользовались несомненным авторитетом в обществе и в Государственной думе. Не было пока речи о Всероссийском национальном союзе (1908), влиятельном объединении, созданном в значительной степени усилиями правительства П. А. Столыпина. Едва ли есть смысл подробно говорить о леворадикальных и национальных партиях, которые не ставили перед собой задачу работать в Государственной думе. В целом членами политических партий в России в период Первой русской революции состояло около 0,5 % населения. Казалось бы, не так много. И тем не менее даже такой результат наглядно свидетельствовал о существенных изменениях в жизни российского общества.

Выборы

Как бы партии ни относились к созываемой Думе, в большинстве своем они готовились к предстоявшей избирательной кампании. Правительству оставалось лишь определиться, каким будет порядок выборов, 11 декабря 1905 года был обнародован избирательный закон. Выборы в Думу не стали всеобщими, прямыми и равными, что соответствовало бы настроением значительной части общественности. Однако в этом отношении Россия исключением не была. В 1905 году всеобщего избирательного права не было и в европейских странах.

В России не имели права голоса те, кто не достиг 25-летнего возраста, женщины, неспособные (заключенные, умалишенные), бродяги, учащиеся (в том числе студенты), военные, чиновники Министерства внутренних дел, отвечавшие за организацию выборов. В деревне голосовали лишь домохозяева – отцы семейств. Важнейшая особенность избирательной системы в России заключалась в том, что выборы в большинстве случаев были не прямыми, а многоступенчатыми. Подданный империи голосовал не за депутата, а за выборщика, голосовавшего за другого выборщика или уже непосредственно выбиравшего депутата. Избиратели, принадлежавшие к разным социальным или сословным группам, голосовали в особых собраниях – куриях. Были курии крестьянские, землевладельческие, городские, рабочие, казачьи, инородческие. У каждой категории избирателей был свой путь в курию. Крестьянин, чтобы участвовать в ее работе, должен был пройти две предварительные стадии. Мелкий землевладелец – одну. Богатый землевладелец участвовал в работе курии без всяких выборов. Возможности влиять на состав Думы у разных курий были разные. То есть подданные Российской империи не имели равных избирательных прав. Тем не менее Положение о выборах 11 декабря 1905 года было составлено так, что большинство депутатов должно было избираться крестьянством, на чью верность престолу полагалось правительство. Но при этом не было ни социальных, ни национальных групп, лишенных права голоса. По словам социалиста В. В. Водовозова, от избирательной системы, действовавшей согласно закону 11 декабря 1905 года, ко всеобщему избирательному праву оставался один шаг. В итоге состав Думы оказывался на удивление демократичным. Около половины Первой и Второй Думы составили крестьяне, немало было рабочих. Этим не могли похвастать ни немецкий рейхстаг, ни английская палата общин.

Выборы в Первую Думу прошли практически без вмешательства правительства. Полицейские, присутствовавшие на митингах, редко пытались влиять на ход собрания. Кадет Н. М. Кишкин рассказывал, как к нему обратился городской, обязанный следить за порядком, который сконфуженно попросил разрешения присутствовать на митинге. Полицейский оказался давним пациентом Кишкина по невропатологической клинике: раньше он скрывал от врача место своей службы. Кишкин не стал возражать и указал ему место за столиком. Полицейский сел за него и за время собрания не издал ни звука. Это был не единичный случай. Полиция была столь терпимой к митингующим, что не обращала внимание на речи тех, кто говорил о преступной деятельности правительства.

Во время выборов во Вторую Думу власть была намерена не совершать прежних ошибок. В июле 1906 года Столыпин докладывал императору: «Правительству следует отрешиться от того безразличия, с которым оно относилось до сих пор к ходу выборов, и на будущее время самому выступать на них стороною. Необходимо всеми средствами поддерживать умеренную столичную и местную печать, не останавливаясь в этом отношении ни перед какими затратами. Необходимо заранее наметить на местах тех кандидатов в члены Государственной думы из числа умеренных партий или внепартийных, которые представлялись бы наиболее желательными с точки зрения правительства, и кандидатов этих поддерживать на выборах всеми не противными закону способами, снабжать их, равно как приверженные правительству и вообще умеренные партии и средствами для избирательной борьбы. Необходимо разъяснить всеми

способами всем зависимым от правительства лицам обязанность их поддерживать в этом деле правительство и отношение свое к этим лицам определять в соответствии, между прочим, и со степенью поддержки, которую они окажут при выборах... Необходимо содержать, в противовес партийным, правительственным агитаторов, которые выступали бы на всякого рода общественных собраниях, разъясняя всю несбыточность и совершенную непосильность для государства тех имущественных обещаний, которые щедрой рукой расточаются сторонниками крайних партий».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.